

Рецензии

Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Монография / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Благовещенский государственный педагогический университет. Владивосток: Дальнаука. 2009. 390 с.

Появление этого капитального труда позволяет заполнить целый ряд пробелов в наших знаниях о том, как китайцы в период Октябрьской революции и Гражданской войны, а затем в советское время участвовали в жизни нашей страны, и отчасти устраняет крен, который возник вследствие преобладания научных работ, описывающих китайскую миграцию в дореволюционной России.

Этот крен образовался не случайно: и потому, что дореволюционный период истории китайской миграции был более длительным, чем послереволюционный, и из-за разной значимости проблемы мигрантов до и после Октября, а главное, вследствие разной степени открытости архивов. Известно, что архивные дела советской поры открываются труднее, чем документы императорского периода. Автор монографии сумел ввести в научный оборот множество архивных документов, и это следует считать его заслугой. Безусловно, обогатило монографию и использование, наряду с широким кругом российской литературы, большого количества китайских публикаций.

Монография состоит из трех глав.

Прологом к основному повествованию служит содержательный раздел-предистория «Китайская диаспора на Дальнем Востоке до 1917 г.». В этом разделе автор показывает, как по мере освоения Россией ее дальневосточных территорий там за счет миграции вырастала крупная китайская община, насчитывающая не один десяток тысяч членов, ведущая активную экономическую жизнь и имеющая сложную внутреннюю организацию. О.В. Залесская с полным основанием подчеркивает текущий состав основной массы китайских тружеников, в большинстве своем представлявших собой сезонных мигрантов-отходников, а глав-

ным образом чернорабочих-кули. Вместе с тем, факты говорят, что определенная группа китайцев проживала в России долгими годами или даже постоянно. К этой группе частично относились земледельцы, предприниматели — хозяева промышленных мастерских и торговых заведений, наемные работники этих предприятий. Расширение китайской общины протекало на фоне роста российского населения края, происходившего за счет переселенческого движения из европейской России, стимулировалось этим переселением и им же лимитировалось. Примером последнего может служить выселение китайских крестьян на рубеже XIX—XX вв. с занятых ими ранее земель (с юридической точки зрения обоснованное тем, что земля не была оформлена ими в собственность, хотя указы российского правительства разрешали делать это).

Роль, которую играли китайские мигранты в экономическом строительстве на дальневосточной окраине России, так же как и их положение в российском обществе, не могут быть описаны одной краской. Они, как и в других странах — объекты эксплуатации со стороны «дикого» капитализма», но также и собственных «лаобаней». Поставщики необходимого дешевого труда и товаров, но также и конкуренты российским рабочим и коммерсантам и безудержные собиратели даров тайги и моря, носители криминала: контрабанды, хунхузничества. Жертвы дискриминации, вызывающие сочувствие передовой российской общественности, и вместе с тем — постоянный источник тревог, генератор страхов относительно «желтой опасности».

При всем этом, однако, главная оценка, на наш взгляд, может быть только одной: китайские мигранты своим трудом внесли замет-

ный вклад в создание большого по тем временам российского экономического потенциала на Дальнем Востоке и, следовательно, в дело утверждения России в качестве тихоокеанской державы. Работа О.В. Залесской, показывая многогранность жизни китайской общины, убедительно подкрепляет этот вывод. Поэтому вызывает недоумение ее же тезис о том, что «дешевый труд китайских рабочих и земледельцев замедлял процесс колонизации Приамурья русскими» (С. 36). Этот тезис в монографии ничем не подтвержден, и рецензент очевидно, вряд ли может его подтвердить. Действительно, чиновники и публицисты того времени неоднократно жаловались на «засилье» китайского труда, преграждающего путь русскому, на что были свои основания. Однако, как показывают исторические факты, обойтись без китайских рабочих рук российским властям не удавалось, они могли ограничить их использование, но не могли запретить. В числе трудностей, с которыми сталкивалась переселенческая политика императорской России, дефицит рабочих мест из-за преобладания китайского труда не значился.

Октябрьская революция кардинальным образом изменила все стороны жизни китайской диаспоры, и автор тщательно анализирует, в чем именно состояли эти изменения. В подавляющем большинстве своем не будучи гражданами России, китайские мигранты оказались втянуты в водоворот Гражданской войны, обернувшейся для них неисчислимыми жертвами и тяготами. Китайская община, как и все российское общество, разделилась на две антагонистические части. Десятки тысяч китайских рабочих — главным образом, те, кто был завербован в Россию еще во время «германской» войны и не сумел вернуться на родину — вступили в Красную Армию, кто, проникнувшись революционными идеями, кто — просто чтобы выжить. Они зарекомендовали себя храбрыми бойцами. Другие — мелкие предприниматели, кустари, торговцы — оказались «классово чуждыми элементами» и, соответственно, объектами «революционного насилия»: реквизиций, конфискации, обязательных займов и т.д. с неизбежными в таких случаях эксцессами, которые даже по меркам того времени считались перегибами. Тысячи китайцев бежали на родину, спасаясь от бед военного времени.

Безусловно, такая политика, левая политика по своей сути, наносила огромный ущерб не только китайским мигрантам, но всей российской экономике. Несколько иначе обстояло дело в ДВР, которой автор посвящает отдельный

параграф, основанный в значительной мере на архивных материалах и содержащий много новой информации. В силу своеобразных задач, стоявших перед ДВР, и специфики ее уклада отношение власти к китайским предпринимателям там было более бережным, и это положительно отразилось на ее хозяйственном положении. Раздел о ДВР заслуживает особого внимания читателей.

Что же касается другой части китайской общины — тех, кто был отнесен к категории трудящихся, то советское правительство предоставило им равные права со всеми гражданами России и в меру своих возможностей взяло на себя заботу о безработных. Помощником новой власти стал Союз китайских рабочих (СКР) — крупная организация, объединившая китайских труженников по всей стране вплоть до Дальнего Востока.

Через СКР, как и по другим каналам правительство в соответствии со своими идеями мировой революции вело работу по «переносу революции» в Китай. На Дальнем Востоке и в Сибири из китайцев готовились кадры революционеров, предпринимались попытки сформировать боевые отряды.

Некоторые из современных китайских историков склонны усматривать в советских планах поддержки революции в Китае экспансионистское содержание, а революционеров из числа китайских мигрантов воспринимать как слепых исполнителей чужой политики. Однако, нам представляется, что и советская власть, и революционеры-эмигранты руководствовались прежде всего идеями будущего братства всех народов Земли и устранения национальных границ. Кстати сказать, СКР отнюдь не был пассивным инструментом внешней политики России. Его активисты по собственной инициативе давали рекомендации советскому правительству по проблемам установления связей с революционными силами Китая и даже составляли проекты ввода на его территорию подразделений китайских красноармейцев.

Главы, отведенные истории китайцев в нашей стране после Гражданской войны, составляют большую часть монографии. Этот отрезок истории автор рассматривает наиболее подробно, опираясь на обширный фактический материал, почерпнутый главным образом в архивах Дальнего Востока и Сибири, что придает исследованию особую весомость. Основная задача национальной политики государства в тот период заключалась в том, чтобы обеспечить реальное равноправие китайского и других меньшинств с русским большинством в соци-

ально-экономической сфере, добиться подъема в национально-культурном строительстве, вовлечь нацменьшинства в общественную жизнь, привить им социалистическое мировоззрение. Этой работой в обязательном порядке занимались местная администрация, партийные, профсоюзные, комсомольские, наконец, судебные органы.

К сожалению, их большие усилия приносили успех далеко не всегда: мешали традиционный великодержавный шовинизм, традиций и самим носителям власти; и свойственный советским бюрократическим структурам формализм; и, наконец, элементарное стремление советских хозяйственников сэкономить на «чужих» рабочих. А в середине 1930-х гг., как отмечает автор, в соответствии с новым тезисом — об уже преодоленной национальной отсталости — «работа с китайскими мигрантами на советском Дальнем Востоке была свернута» (С. 142).

О.В. Залеская скрупулезно описывает, как велась культурно-просветительная работа среди китайских мигрантов — в самых разнообразных формах, с максимальным приближением к реальным возможностям малограмотной массы. Была развернута сеть ликбезов, клубов, просветительских курсов, пошли в ход простейшие разновидности агитации: «живые журналы», политбеседы и т.д. Издавалась периодика на китайском языке, в том числе с использованием специально разработанного латинского алфавита. Возникли учебные центры с преподаванием на китайском языке — от начальных школ до рабфаков и отделений в институтах плюс квоты на обучение в вузах Дальнего Востока. Работали несколько китайских театров. В то же время, как полагает автор, «система качественного образования китайских рабочих на советском Дальнем Востоке создана не была» (С. 186). Как видно из монографии, причиной тому были как недостатки организационного и кадрового плана, так и, с другой стороны, отсутствие стимулов к интеллектуальному росту у подавляющего большинства мигрантов, поглощенных задачами повседневного выживания.

Экономическая деятельность китайской общины в советском государстве, оживившаяся в условиях НЭПа и допущения частной собственности, развертывалась как продолжение прежней, дореволюционной. Она охватывала мелкое предпринимательство в промышленности, сфере обслуживания и торговле, огородничество, кустарничество, наемный труд в угледобыче, золотоискательстве и т.д. Чис-

ленность общины стала расти. Вместе с тем, иностранный труд начал подвергаться регулированию, контролю, а в определенных случаях и ограничению со стороны государства. Китайских трудящихся, отмечает автор, стали активно вовлекать в профсоюзы и кооперативы. Развернулась борьба с эксплуатацией рабочих посредниками-лаобанями.

Постепенно работа китайских тружеников была переведена на рельсы советского трудового законодательства. Советская власть ввела для иностранных граждан систему налогов, упорядочила правила их регистрации. Им было предоставлено право вступать в советское гражданство. Была установлена ответственность китайских граждан перед судом. Взаимоотношения китайской общины с властью складывались непросто: они серьезно осложнились целым рядом принявших широкие масштабы явлений, таких как незаконный переход китайцами границы, контрабанда, вывоз валюты. Вместе с тем, осложнения вызывались и действиями самих властей: конфискациями имущества и арестами китайских предпринимателей, вызывавшими протесты не только предпринимателей, но и китайских консульств. Административное и экономическое давление на китайских коммерсантов особенно усилилось с 1927–1929 гг., в период конфликта на КВЖД и ухудшения советско-китайских отношений. (Любопытная деталь: это не мешало использовать бывших китайских красноармейцев, а подчас и заключенных-хунхузов в военных действиях в Маньчжурии).

Классовая социальная политика, проводившаяся в годы свертывания НЭПа и в период индустриализации, привела к тому, что, по замечанию автора, «количественный и качественный состав китайской диаспоры подвергся необратимой трансформации» (С. 260–261). А именно, китайские предприниматели как социальная группа прекратили свое существование. В то же время спрос на китайские рабочие руки был настолько велик (особенно в золотодобыче), что вербовка рабочих из Китая производилась даже нелегальным путем (!).

В монографии О.В. Залеской впервые, насколько нам известно, на основании большого количества архивных материалов воссоздана картина участия китайских крестьян в коллективизации. Как и всех остальных деревенских тружеников в СССР, их насильно загоняли в колхозы, навязывали искусственные, малопродуктивные формы труда, а в то же время предоставляли им кредиты, создавали МТС, поощряли китайские традиционные приемы зем-

леделия. Возбудить трудовой энтузиазм и поднять производительность труда новых колхозников власти пытались посредством их принудительной идеолого-просветительской обработки вкуче с чистой колхозов от «классово чуждых элементов».

Впервые же в монографии показана политическая борьба в среде китайской эмигрантской интеллигенции и партактива на Дальнем Востоке. Эта борьба, отразившая соперничество курсов и фракций в руководстве СССР и советско-китайские противоречия, стоила образованной части китайской эмиграции немалых жертв.

Последний раздел книги освещает тему массовых репрессий 1937–1938 гг., захвативших, в частности, и китайскую общину. Здесь автор также сумел привлечь немало архивных материалов.

Разумеется, столь объемный труд не может быть свободен от недостатков. Так, на наш взгляд, автор подчас уходит слишком далеко в сторону, обрисовывая фон, на котором происходят процессы, относящиеся к теме исследования. Например, при анализе жизни мигрантов в годы индустриализации чересчур много места отведено изложению политики Японии в 1920–1930х гг. и оккупации ею Маньчжурии (С. 224–226). Едва ли нужно рассказывать читателю о происхождении идеи национально-культурной автономии (С. 74), тем более что рядом употреблен без всяких объяснений мало кому известный термин «читинская пробка» (С. 72).

Вызывает возражение трактовка автором терминов «хуацяо» и «хуажэнь» (С. 89). При весьма разнообразном толковании их в китайской исторической литературе в настоящее время их содержание вполне однозначно определено в официальных документах: хуацяо — это граждане КНР, постоянно проживающие за границей, а хуажэнь — это этнические китайцы, не являющиеся гражданами КНР. Интересно, что автор легко мог бы обойтись без этого семантического экскурса во «Введении», поскольку дальше в своей работе данные термины не употребляет.

Утверждение автора, будто бы массовые вербовки китайских рабочих в Россию (в период Первой мировой войны) «вызывали

беспокойство китайских региональных властей» можно понять таким образом, что беспокойство вызывала именно их массовость. На самом деле причиной тревог китайских властей, и не только региональных, но и центральных, служил стихийный характер вербовок, отсутствие социальных гарантий для рабочих, а также вероятность посылки завербованных на работы в опасную зону — во фронтовую полосу.

В целом же монография О.В. Залеской представляет собой значительный вклад в историографию китайских мигрантов в России. Монография свидетельствует о том, как далеко продвинулось изучение истории отечества за последние два десятилетия, в условиях освобождения гуманитарных наук от старых идеологических догм и хотя бы частичного расширения доступа к архивам. В публикациях появилось не только множество новых крупных и мелких фактов, но и новые подходы, свежие оценки. Труд О.В. Залеской дает нам возможность обогатить наши представления об истории китайцев в России. Мы видим, например, что некоторые особенности нынешнего отношения к китайским мигрантам воспроизводят картину первых десятилетий советского периода: неспособность администрации обеспечить четкое функционирование китайской общины в соответствии с законами; шовинистическое отношение китайцам со стороны местного населения и даже властных структур и т.д. Таким образом, эти особенности можно считать исторически обусловленными — из чего, однако, не следует, что от них невозможно избавиться или что их не нужно преодолевать.

Главное же, что проходит красной нитью через все периоды истории китайцев в России, и что подтверждает монография российского ученого — это наличие обусловленной географическими, хозяйственными и политическими реалиями постоянной потребности российского Дальнего Востока в китайском труде и китайских товарах как оптимальном условии нормальной жизни региона.

Это также — необходимость самым внимательным образом относиться к проблемам регулирования китайского труда. Это, наконец, серьезная роль китайской миграции в России как составной части российско-китайских отношений.